

В Московском театре драмы и комедии поставлен спектакль — «Обмен» по повести Юрия Трифонова. Режиссер спектакля — Юрий Любимов.

В этом театре умеют «играть прозу». И все же писательская манера Трифонова с ее внешней мягкостью, плавностью, обилием полутонов и режиссура Любимова — неизменно резкая, открыто публицистичная, с красками яркими и четкими — кажутся подчас, соединить которые невозможно.

И тем не менее полюса сблизилась.

...На сцене разыгрывается семейная драма инженера Виктора Дмитриева, по средним меркам еще молодого, вполне интеллигентного человека. Смертельно больна его мать, Ксения Федоровна, дни ее сочтены. И Лене, жене Виктора, пришла в голову идея срочно устроить жилищный обмен, съехаться с Ксенией Федоровной, получить двухкомнатную квартиру. Разумеется, для «благ» больной свекрови.

Тайная мысль жены очевидна Дмитриеву, и он поначалу возмущился: «Да как у тебя язык поворачивается?» Но это было вечером. А утром он понял: Лена в общем-то права, жизнь есть жизнь, надо заботиться о будущем. И после работы Дмитриев отправился к матери, мучительно обдумывая, как сказать ей об обмене, чтобы не догадалась: ее смерти уже ждут, готовятся...

В дороге Дмитриеву припомнились семейные скандалы, которые бесконечно вспыхивали из-за того, что его родня — мать, сестра, дед — не признал, ни полюбил Лену и ее родителей. Театр воспроизводит на сцене эти ссоры. Собственно, спектакль и состоит как бы из веренищ семейных стычек, смотреть которые мучительно и, пожалуй, было бы просто невозможно, если бы игрались они только для того, чтобы выплеснуть на зрителя всю мерзость и грязь «быта», людское непонимание и людскую нетерпимость.

Но не об этом повесть Юрия Трифонова. Не об этом и спектакль, поставленный Юрием Любимовым.

Конфликтуют не две семьи — два миропонимания.

Дмитриев всегда мерил свою жизнь не бытовыми интересами дня или даже года, а принципами, среди которых на первых местах неизменно были: порядочность, доброта, быстроты. Утвердил эти принципы в семье дед — старый революционер, истинный интеллигент не только по образованию — по духу.

А родители Лены — Лукьяновы, да и сама она из тех, к кому точно применимо слово «бытователи». Реать, тянуть к себе, копить материальные ценности, все равно как-то, будь то квартира, должность, кирпич для дачи, — вот их жизненное кредо. Все остальное, с их точки зрения, просто-напросто ханжество. Доброта — ханжество, порядочность — ханжество, творчество — тоже ханжество, ибо, считают Лукьяновы, все эти «высокие материи» лишь ширмы, скрывающие ту же цель — выгоду.

И вот два лагеря, два фронта. Битва. Не менее яростная от того, что происходит не на многотысячном собрании, а в старом московском доме, на фоне уютных диванов, под переливом фарфоровых чашек на столе, под аккомпанемент пианино,

по которому транслируют соревнования фигуристов.

Острый конфликт, сотрясающий семью Дмитриевых и семью Лукьяновых, не нов в искусстве, как не нов и в жизни. Но показ этого конфликта — опять-таки не конечная цель спектакля. Все это лишь атмосфера, в которой происходит еще одна драма, на сей раз касающаяся только инженера Дмитриева.

Главный обмен происходит вовсе не с квартирами — в душе Виктора. Еще недавно он был таким же, как дед, мама, сестра. И вот — изменился неузнаваемо. Обменял жизнен-

ные принципы Дмитриевых на железную хапку Лукьяновых. «Олухьянису». Как произошло это, под воздействием каких сил? Это-то и интересно в первую очередь театру. Процесс «олухьянивания» инженера Дмитриева стоит в центре второго спектакля.

Жизнь с Леной Лукьяновой обернулась для Виктора длинной цепью обычных, вроде бы житейских проблем, решать которые он тем не менее мог теперь лишь ценой компромиссов с собственной совестью. Нет, Лена не толкала его на преступление, предательства, измены. Случись так, Виктор ужаснулся бы и, естественно, ни за что не пошел бы на все это. Лена и ее семья требовали от Виктора всегда малого — хоть и компромиссов, но мелких, незначительных, которые, как ему казалось, ничего общего с преступлениями против нравственности, конечно же, не имеют.

Поэтому он и поддавался уговорам Лукьяновых, их восторг доводам, их житейской логике.

Ну, провинила Лена нечуткость — забрала к себе в комнату посуду его матери. Нехорошо, конечно, но это же пустяк (случайность, как объяснила Лена), так зачем же устраивать из-за этого семейный скандал? Надо просто смолчать! Ну, достал тестя кирпич «слева» — так ведь на ремонт дачи, где живет и его, Виктора, родные. Что же, становиться в позу оскорбленного правдолюбца? Это и впрямь будет ханжеством!

И Виктор шел от одного компромисса к другому. А на деле — от порядочности к подлости.

Как и автор повести, театр не дает своему зрителю готовых рецептов, не навязывает своего отношения к проблеме нравственных уступок. Но позиция и у Трифонова, и у Любимова здесь совершенно четкая: моральный кодекс современников — не прописная мораль, он, этот кодекс, — истинная мера всех жизненных реалий. И показывает сцену, как и почему идет Виктор Дмитриев на уступки, как свершаются они — такие незримые, легко объяснимые, понятные. — театр подводит зрителя к совершенно четкой мысли: нет компромиссов крупных и мелких. Даже незначительная уступка совести — духовная смерть. Ибо разрушение личности

уже свершилось, как бы сам человек ни уверял себя в обратном. Артист А. Вилькин очень точно обнажает у Виктора Дмитриева вот этот постоянный и в общем-то мучительный процесс самообольщения: от легкого укола совести (плохо поступил, гадко!) к афермерному поначалу, но затем быстро твердеющему спасительному убеждению: я по-прежнему порядочен и чист (в конце концов не убил же я никого, не вытаскивал из чужого кармана деньги!). Но цепь уступок не прерывается, и каждое следующее звено оказывается тяжелее прежнего.

Вот уже Дмитриев позволил жене уговорить себя занять вакантную должность в одном солидном институте. Это место тестя, правда, «выбил» для родственника Виктора, но родственник в конце концов дальний, да и не умирает с голоду. А значит, ничего страшного, если в институт этот пойдет работать сам Виктор.

Ничего «страшного» не произошло у него и с Таней. Да, был у них короткий роман, но ведь он, Виктор, ничего не обещал ей. Зачем же она сама искалечила себе жизнь, развелась с мужем? Теперь вот оляна, страдает, льет слезы. Но это уже ее дело. Он здесь чист. Ну, почти чист!

И уже следующим шагом стала измена матери.

Конформист. Эту фигуру, это явление писатель Юрий Трифонов исследовал многократно. Но, пожалуй, именно в «Обмене» вызов писателя наиболее точны и четки. Он обнажил в «Обмене» широчайшую гамму полудействий, полуприятий, полуступок, которые сами по себе почти безвинны, но в сумме своей становятся силой, толкающей таких, как Виктор Дмитриев, на настоящую измену, подлость, моральное преступление.

К сожалению, в спектакле некоторые из этих существенных нюансов художественного исследования писателя исчезли. Они не смогли совместиться с резкими приемами режиссуры, с чересчур яркими красками актерской игры. Жена Виктора Лена (артистка И. Ульянова) превратилась в спектакле в некоего вампира, властно и грубо толкающего Виктора на очередное предательство. Родители Лены оказались на сцене персонажами почти фельетоными: каждая их реплика вызывает в зале смех. А ведь это не смешные — злоешие фигуры, ведь от Лукьяновых ведет писатель в своей повести отсчет зла.

Нет, не смогли полярные художественные манеры писателя и режиссера до конца соединиться. Издержки оказались значительными.

И все же в главную повесть прочитана театром точно. Ибо у Трифонова в «Обмене» полутона прикрывают, но не скрывают острую неприязнь писателя к тем, кто ради материального благополучия обменивает души на ордер.

Ю. СКВОРЦОВ.

ТЕАТР

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ИНЖЕНЕРА ДМИТРИЕВА

1. Трифонов 1976, 25 июля 1976